С.А. Саломатина
(кандидат ист. наук, доцент кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)*

ТРУДЫ ЕФИМА ЭПШТЕЙНА И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИЙ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ БАНКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена развитию концепций в изучении банков Российской империи от XIX к XXI в. В качестве образцов теории банковского дела конца XIX — начала XX в. используются идеи из научных трудов банкира Ефима Эпштейна (1857/1858–1939). Изменения в теоретических подходах прослеживаются на примере трех сюжетов: смена модели банковской системы России в 1860-е гг.; качество кредитов, выдававшихся российскими коммерческими банками; высокая цена российских депозитов как источника средств для самих банков. Делается вывод о том, что после Первой мировой войны западная банковская историография постепенно переходит от «доктрины реальных векселей» к современной теории банковского дела, в то время как советская — сохраняет связь с концепциями XIX в.

Ключевые слова: Ефим Эпштейн, банки в Российской империи, коммерческие банки, кредитование, депозиты.

The research deals with a conceptualization of the banking history of the Russian Empire from the 19th to 21st centuries. The academic papers of the Russian banker Efim Epstein (1857/1858–1939) are analysed as patterns of using banking theory in the late 19th and early 20th centuries. The changes in the theoretical approaches are revealed on the base of three subjects: the reform of the Russian banking system's model in the 1860s; the quality of bill holding of the Russian commercial banks; the high price of Russian deposits as banking liabilities. The conclusion is that after World War I Western bank historiography was gradually moving from the "real bills doctrine" to the modern banking theory, whereas Soviet — retained its connection with the concepts of the 19th century.

Key words: Efim Epstein, banks in the Russian Empire, commercial banking, real bills doctrine, deposits.

* * *

Теоретические концепции в значительной степени определяют принципы анализа источников и влияют на выводы исследования. В то же время концепции меняются по мере накопления противоречащих им фактов, однако это очень постепенный процесс. При работе с научной литературой важно понимать, как со временем изменяется концептуализация в конкретной области исследований.

* *Саломатина Софья Александровна*, тел.: 8-495-939-11-65; *e-mail*: ssalomatina@yandex.ru

Данная работа посвящена изменениям от XIX в. к современности в теоретических подходах к изучению истории банков Нового времени. В центре внимания — коммерческие банки Российской империи второй половины XIX — начала XX в.

Основным источником для суждений о концепциях развития банковского дела в данном исследовании являются работы Ефима Моисеевича Эпштейна (1857/1858–1939), который хорошо известен специалистам по истории российских дореволюционных финансов как автор, редактор и переводчик работ по истории денежного обращения, банков в России и за рубежом[1].

Другая сторона жизни Е.М. Эпштейна — деловая карьера, важнейшие вехи которой: директор банкирского дома «Братья Джамгаровы» в Москве в 1890-е гг., директор московского отделения Петербургского Международного коммерческого банка в 1900-е гг., член правления Азовско-Донского банка в Петербурге в 1910-е гг. Важно также отметить его преподавательскую деятельность в Московском и затем Петербургском коммерческих институтах, а также общественную работу в Комитете съездов представителей акционерных коммерческих банков. Первая половина жизни Эпштейна прошла в Москве, 1910-е гг. он провел в Петербурге, а с 1920-х гг. обосновался в Париже.

Интерес к трудам Е.М. Эпштейна можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, в 2011 г. переиздана на русском языке его книга, опубликованная в Париже в 1925 г.[2] Это стало поводом обратить внимание на Эпштейна как на самостоятельного исследователя, чего никогда не делалось раньше.

Во-вторых, тексты Эпштейна заметно повлияли на исследования советского периода через труды классика российской банковской истории — И.Ф. Гиндина (1900–1980), однако это явление еще мало отражено в современных научных исследованиях[3]. «Французская книга» Эпштейна долгое время была чуть ли не единственным текстом о российских банках, доступных иностранным исследователям. Ольга Крисп при подготовке главы о банках Российской империи, вошедшей в классический труд под редакцией Р. Каме-

---

[1] Биография Е.М. Эпштейна и список его трудов см.: *Саломатина С.А.* Е.М. Эпштейн и его книга о российских дореволюционных банках // Эпштейн Е.М. Российские коммерческие банки (1864–1914 гг.). Роль в экономическом развитии России и их национализация / Пер. с фр. М.А. Елистратов; науч. ред., автор вступ. ст., коммент. С.А. Саломатина. М., 2011. С. 11–33, 133.

[2] *Epstein E.* Les banques de commerce russes, leur rôle dans l'évolution économique de la Russie, leur nationalisation. Paris, 1925 (Издание на русском языке см. в сн. 1).

[3] *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М., 1948. О влиянии работ Е.М. Эпштейна на труды И.Ф. Гиндина также см.: *Саломатина С.А.* Е.М. Эпштейн и его книга... С. 30–33.

рона 1967 г., использует как книгу Эпштейна, так и главный труд Гиндина 1948 г. Таким образом, оценки Эпштейна интегрированы в мировую банковскую историографию[4].

В-третьих, работы Е.М. Эпштейна — это типичный образец общемировой теоретической литературы в области банковского дела конца XIX — начала XX в., поэтому они дают интересный материал для анализа изменений, произошедших в этой области за последние 100 лет[5].

В данной статье анализируются лишь некоторые важные тенденции развития теории в истории российского банковского дела, которые можно показать на конкретных примерах: во-первых, это смена модели банковской системы России в 1860-е гг.; во-вторых — качество кредитов, выдававшихся российскими коммерческими банками; в-третьих — высокая цена российских депозитов как источника средств для самих банков.

Смена модели банковской системы России в 1860-е гг.

Как известно, банки западноевропейского типа начали развиваться в России в 1860-е гг. Их появление связано с попыткой преодолеть системный кризис дореформенных государственных банков в конце 1850-х гг. Реформа финансовой системы началась с учреждения Государственного банка Российской империи 31 мая 1960 г. Это был первый коммерческий банк западноевропейского типа, в котором основной кредитной операцией являлся учет векселей, под которую формировалась специальная система оценки кредитоспособности заемщиков[6]. Из всех видов привлечения ресурсов классического коммерческого банка в российской практике решено было сосредоточиться на депозитной операции. В дополнение к этому Госбанк принял на себя долги старой банковской системы, а также финансовый груз начинавшихся реформ правительства Александра II, важнейшей из которых стала отмена крепостного права[7].

---

[4] *Crisp O.* Russia, 1860–1914 // Banking in the early stages of industrialization: a study in comparative economic history / Ed. by R. Cameron. New York, Oxford Univ. Press, 1967. P. 183–238.

[5] О типичности такого рода литературы см: *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: В 3 т. / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. Т. 3. СПб., 2001. С. 1461–1469.

[6] Учет векселей — в самом общем виде, покупка банком долговых обязательств клиентов; операция проводилась без залога, после изучения кредитоспособности участников коммерческой сделки, в результате которой был выписан данный вексель.

[7] См.: История Банка России, 1860–2010: в 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринов; Т. 1. Государственный банк Российской империи (авт. Б.В. Ананьич и др.). М., 2010.

Кроме коммерческих операций Государственного банка операции такого типа во второй половине XIX — начале XX в. выполняли акционерные коммерческие банки, общества взаимного кредита, городские общественные банки, а также частные банкирские дома и конторы.

От какой финансовой системы Россия отказалась в 1860-е? По словам Е.М. Эпштейна, это была «...незамысловатая система государственных банков, служившая с помощью печатания ассигнаций и привлечения вкладов исключительно нуждам бюджета и потребительского кредитования землевладельцев»[8]. Причем залогом в этой системе являлась не собственно земля, а проживавшие на ней крепостные крестьяне. Крах старой финансовой системы, как одно из последствий Крымской войны, потребовал применения «...новых подходов, которые не вступали бы в противоречие, по крайней мере, явное, с системой банковских операций, сложившейся в Западной Европе»[9].

Взгляд на дореформенную банковскую систему как на российскую особенность устойчив, хотя за последние годы изучение банков второй половины XVIII — первой половины XIX в. значительно продвинулось[10]. В последнее время появились и новые теоретические идеи в этой области. Финский исследователь Ю. Таркка на основании обширного фактического материала по странам и регионам Северной и Северо-Восточной Европы — Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Пруссия, Польша и Россия — выявляет общие черты их банковских систем в XVIII — первой половине XIX в.[11] В результате он выдвигает концепцию «Североевропейская модель ранних центральных банков» (North European model of early central banking).

Если западноевропейская (классическая) модель раннего центрального банка, символом которой до середины XIX в. являлись Банк Англии и Банк Франции, сочетала банкноты и вклады в пассиве и драгоценные металлы и учет векселей, выписанных в результате торговых (коммерческих) сделок, в активе, то в североевропейской модели место учета векселей было занято кредитами под залог земли и в ограниченной степени — кредитами под залог товара, потому что земля и товар считались здесь более надежным активом, чем вексель, которой в классической модели банка покупался банком у клиента (принимался к учету) без залога. Система

---

[8] *Эпштейн Е.М.* Российские коммерческие банки... С. 53.

[9] Там же. С. 54.

[10] О дореформенной банковской системе см.: История Банка России. 1860–2010. Т. 1. С. 14–118 (авт. А.В. Бугров и В.В. Морозан).

[11] *Tarkka J.* The North European Model of Early Central Banking // Designing central banks / Ed. by D. Mayes and G. Wood. London; New York, 2009. P. 34–64.

центральных банков стран Северной и Северо-Восточной Европы представляла собой сочетание трех государственных банков: эмиссионного, ипотечного и учетного, каждый из которых не являлся изолированным учреждением, и, например, банкноты, выпущенные эмиссионным банком, или вклады, собранные учетным банком, могли стать ресурсом кредитования в земельном банке. При этом ипотечные и учетные банки носили ярко выраженный сословный характер (дворянский и купеческий соответственно). В такой банковской системе был нарушен принцип равной срочности активных и пассивных операций, ключевой для западноевропейской модели, но поскольку все учреждения были государственными и не изолированными друг от друга, этот недостаток не казался современникам серьезным.

Во всех странах Северной и Северо-Восточной Европы в первой половине XIX в. произошел переход к западноевропейской модели банка, при которой, во-первых, в центре банковской системы встал государственный банк с активами, основанными на операции учета векселей. Этот банк начал постепенную эволюцию в сторону полноценного центрального банка. Во-вторых, появились частные коммерческие банки, взявшие на себя основной груз кредитования торговли и промышленности. В-третьих, кредитом под залог земли стали заниматься полноценные ипотечные банки.

Качество кредитов, выдаваемых коммерческими банками

В российской дореволюционной экономической литературе с 1880-х гг. обсуждалась проблема низкого качества вексельных портфелей российских банков. В данном случае имеется в виду ненадежность кредитов в форме учета векселей, при том что это была ведущая кредитная операция во второй половине XIX — начале XX в. Краткий обзор дореволюционных публикаций на эту тему можно найти у И.Ф. Гиндина[12].

Ефим Эпштейн принял активное участие в этой дискуссии, причем его тексты, написанные в конце XIX в., отличались особой эмоциональностью в обличении российских недостатков. Эпштейн ссылается на свой опыт личного общения с банкирами и фабрикантами Центрального промышленного района (ЦПР)[13]. Он отмечает, что «...в России нет традиций пользования кредитом у всех сословий». «Столичные банки (Петербурга и Москвы. — *С.С.*) чрезвычайно неравномерно распределяют кредит: единичные фирмы

[12] См.: *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки. С. 262–267.

[13] В 1887–1888 гг. Ефим Эпштейн служил в должности главного бухгалтера Московско-Рязанского Торгового банка.

пользуются непомерным кредитом, что в связи с присущими русскому человеку беспечностью и халатным отношением к делу привело к тому, что эти привилегированные коммерсанты развили свои предприятия совсем несообразно с действительной потребностью»[14]. Эпштейн согласен с другими авторами, что вся банковская провинция построена на дружеских векселях, т.е. векселях, в основе которых не лежит реальная торговая сделка; кредиты постоянно переписываются на новый срок, что хорошо известно директорам банков, и они даже сами дают своим клиентам «наставления в искусстве изготовления векселей к учету»[15].

В другом тексте о банкирах и фабрикантах ЦПР, проигрывавших польским конкурентам, Эпштейн пишет, что банкиры Польши дают кредит правильно, т.е. солидным купцам, в ограниченном размере, под векселя действительных клиентов, а не приказчиков и кумов, как это практикуют московские банки, не принимают к учету векселя длиннее 6 месяцев. Пришла, наконец, пора и российским фабрикантам образумиться и не раздавать свои товары всем и каждому под 9, 12 и 24 месячные векселя[16].

По мнению Эпштейна, вексельный портфель российских банков слаб, т.к. кредитоспособность в России сложнее поддается определению, торговое законодательство несовершенно, и у купца Западной Европы «сознание долга развито гораздо сильнее», там нет векселей сроком более 3-х месяцев, тогда как в России они учитываются сроком 9 месяцев и более. Вообще, «долгосрочность векселя имеет в себе нечто деморализующее, тем более у нас, где неисправность платежей составляет самое обыкновенное явление»[17].

В целом претензии Эпштейна к кредитной практике 1880-х — 1890-х гг. сводятся к следующему: вместо того чтобы кредитовать реальные сделки по купле-продаже товара, банки выдают кредит без залога и на неуточненные цели немногочисленным группам клиентов, близких к банку, при этом кредитоспособность клиентов оценивается недостаточно объективно, их кредитный лимит завышается, кредит дается на слишком большой срок, что не способствует платежной дисциплине.

---

[14] *Эпштейн Е.М.* К вопросу о банках краткосрочного кредита // Юридический вестник. 1886. № 2. С. 339–340.

[15] Там же. С. 339.

[16] *Е.Э.* Рец.: «Шарапов. Почему Лодзь и Сосновицы побеждают Москву? Публичная лекция, читанная в г. Иваново-Вознесенске. М., 1886» // Юридический вестник. 1886. № 10. С. 413, 415–416.

[17] *Эпштейн Е.М.* К вопросу о банках краткосрочного кредита. С. 341, 348. Еще один, более поздний фрагмент Е.М. Эпштейна на ту же тему: *Беджгот У.* Ломбардстрит: Крит. исслед. об орг. и деятельности англ. денеж. рынка. Пер. с англ. (изд. 1896 г.) и ст. «Депозитные банки в Англии и России» Е. Эпштейна. СПб., 1901. С. XXIII–XXV.

В 1920-е гг., уже в эмиграции, Эпштейн в совершенно другом ключе пишет о кредитовании 1910-х гг., т.е. более позднего периода. По его мнению, активные операции российских коммерческих банков были тогда достаточно надежны и в целом покрыты вкладами. 60% банковских активов в России — это все те же вексельные операции, причем ликвидность банковских активов в России была довольно высокой, что, помимо прочего, было связано с «реальным характером краткосрочных операций», т.е. векселя, учтенные (купленные) банками, появились в результате реальных торговых сделок[18].

В доказательство улучшения качества российских векселей Эпштейн в книге 1925 г. приводит таблицу из юбилейного издания Госбанка 1910 г., показывающую уменьшение в Госбанке среднего срока и номинала (валюты) векселя, другими словами, среднего срока и размера кредита, что в парадигме тех лет означало прогресс, потому что росла скорость обращения векселей, которые становились кредитным инструментом для мелких и средних предпринимателей. По этим данным, в начале 1870-х гг. средний срок векселя в Госбанке составлял 156 дней (т.е. 5 месяцев) при среднем номинале в 1 866 руб., что являлось очень крупной суммой, указывающей, что доступ к кредитованию имела лишь верхушка предпринимательского слоя. В 1905–1909 гг. средний срок снизился до 92 дней (т.е. 3 месяцев), а средний номинал — до 428 руб., что говорит о доступности кредита Госбанка для мелкого и среднего бизнеса[19].

И.Ф. Гиндин, в рамках той же парадигмы, систематизировал разбросанные по разным опубликованным источникам сведения о средних сроках и номинале векселей в разных акционерных коммерческих банках. Однако эта тщательная работа показала, что в этом вопросе не удается выявить вообще никаких явных устойчивых тенденций. Даже в 1910-е гг. векселя сроком на 3 месяца составляли не более 20% учетной операции, а номинал колебался в широких пределах от 400 до 1700 руб.[20]

В 2012 г. опубликована работа О.В. Чистовой, в которой проблема среднего срока и номинала векселя изучается по архивным данным[21], анализируются вексельные книги Банка Рябушинских за 1910–1913 гг. Это был небольшой универсальный московский банк, тесно связанный с промышленностью ЦПР и принадлежав-

---

[18] *Эпштейн Е.М.* Российские коммерческие банки... С. 63.

[19] Государственный банк: Крат. очерк деятельности за 1860–1910 годы. СПб., 1910. С. 44, 46.

[20] *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки. С. 265–266.

[21] *Чистова О.В.* Кредитная клиентура банка Рябушинских в период экономического подъема 1909–1913 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012. М., 2012. С. 315–352.

ший известной старообрядческой семье[22]. Качество и сохранность бухгалтерских книг банка довольно высоки для дореволюционных банковских архивов.

В 1910–1913 гг. средний номинал векселя в банке колебался в пределах 905–1686 руб. без явных тенденций к росту или сокращению, что сопоставимо с выводами И.Ф. Гиндина. Срок большинства (72%) изученных векселей составлял 6–9 месяцев, т.е. больше, чем у И.Ф. Гиндина. Однако принципиальный момент в данных О.В. Чистовой — это огромный разброс по номиналу анализируемых векселей — от 35 до 70 000 руб., что делает некорректной работу со средними показателями, поэтому необходимо внимательнее посмотреть на структуру этих данных[23].

Дело в том, что векселя не попадали в банк поштучно. Предъявитель векселей, как правило, крупный клиент, приносил в банк сразу большой портфель векселей своих покупателей, чтобы получить значительную сумму наличных средств. При этом он выступал для банка гарантом платежа по этим векселям. Таких клиентов можно условно разделить на две группы[24].

Примером первой группы может служить московский Торговый дом «Гиршман С. и сын», занимавшийся оптовой торговлей галантерейным и мануфактурным товаром. В апреле 1910 г. торговый дом получил в Банке Рябушинских за вычетом учетного процента 50 383 руб., предъявив 111 векселей покупателей своего товара, при этом средний номинал векселя составлял 454 руб. Судя по бухгалтерским книгам банка, это векселя мелких и средних торговцев, в основе которых лежит реальная торговая сделка[25].

Второй тип отношений можно проиллюстрировать вексельным портфелем, который в октябре 1912 г. предъявила к учету Большая Ярославская мануфактура, одно из крупнейших текстильных предприятий Российской империи. Сумма векселей составляла 767 000 руб., это был 41 вексель всего 7 клиентов. В этом портфеле средний номинал векселя был огромным — 18 707 руб., разброс значений тоже — от 10 000 до 70 000 руб. Клиентами мануфактуры были другие крупные текстильные предприятия ЦПР, которые, видимо, покупали сырье и полуфабрикаты для собственного производства. Это пример деловых отношений, в которых не может быть мелких векселей. Когда номинал векселей выражается крупными круглыми суммами (10 000, 40 000 руб. и т.п.), можно предполо-

---

[22] О банке Рябушинских см.: *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998. С. 172–190.

[23] Там же. С. 343–345.

[24] Там же. С. 325.

[25] Там же. С. 336–337.

жить не столько конкретную сделку, сколько кредит на доверии постоянному крупному клиенту. Это и есть то самое «дружеское», «неправильное» кредитование, но нет никаких свидетельств, что оно создавало банку проблемы[26].

Очевидно, что в обоих случаях средний номинал векселей зависел от отраслевой специфики конкретного предприятия. Что же касается средних сроков векселей, то в бухгалтерских книгах Банка Рябушинских есть примеры переписывания векселей на новый срок по истечении старого, т.е. стоит признать, что сроки векселей не являются индикатором срока кредита[27].

Возможна ли другая концептуализация в исследовании вексельного кредитования, кроме идеи о среднем сроке и номинале векселя? Примером такого подхода является работа известного американского экономического историка Наоми Ламоро, изданная в 1994 г., посвященная анализу кредитных практик XIX — начала XX в. на примере банков Новой Англии на северо-востоке США, которые развивались в рамках западноевропейской модели[28].

Для нашей темы необходимо отметить лишь некоторые важные выводы данной работы. «Дружеское» кредитование является распространенной практикой в классической банковской модели. В ее основе лежит уверенность в кредитоспособности ближайших клиентов, основанная на хорошей осведомленности о состоянии их бизнеса.

Интересно, что, по данным Ламоро, один из способов выявить дружеские векселя по архивным записям — это проследить векселя с круглым числом номинала[29]. Например, реальная торговая сделка — это вексель с номиналом 456 руб. или 5567 руб., а если вексель выписывается сразу на 20 000 руб. — это дружеский вексель, не связанный с какой-либо конкретной сделкой. Этот принцип, как оказалось, работает и на российском архивном материале. Все векселя в портфеле Большой Ярославской мануфактуры имели номинал, выраженный большим круглым числом, а у Гиршмана — относительно небольшими и некруглыми.

Почему же тогда вся литература по банковскому делу XIX — начала XX в. (и российская, и мировая) так сосредоточена на краткосрочности и реальности (товарности) векселей? По мнению Ламоро, это попытка выстроить систему оценки кредитоспособности при увеличении числа клиентов. В тот момент, когда денег в эко-

---

[26] Там же. С. 326–327, 341.

[27] Там же. С. 327.

[28] *Lamoreaux N.R.* Insider lending: banks, personal connections, and economic development in industrial New England. Cambridge [England]; New York: Cambridge Univ. Press, 1994.

[29] Ibid. P. 3.

номике становится больше, появляется возможность кредитовать более широкий круг клиентов, в большинстве мало знакомых банку. Но как отказать потенциальным неплательщикам? В XIX — начале XX в. действовали, исходя из двух принципов: во-первых, отказывать всем, кто не занимается бизнесом, потому что среди них высок риск использования средств не для получения прибыли, из которой можно будет расплатиться с банком; во-вторых, давать кредит на короткий срок, чтобы иметь возможность при наступлении этого срока оценить состояние дел клиента и принять решение о продлении или взыскании кредита. При этом важно понимать, что руководство банка всегда имело много возможностей выдать кредит в обход этих принципов «правильного» учета векселей, и это «нарушение» вовсе не означало автоматического расстройства дел и последующих убытков[30].

Получается, что средний срок и размер кредита не так уж и важны, больше внимание стоит уделить отраслевой структуре клиентской базы, принципам оценки кредитоспособности в конкретный исторический период, а также методам обеспечения ликвидности, т.е. целенаправленным действиям банка по поддержанию в кассе достаточного количества денег для удовлетворения потребности клиентов. Именно в таком ключе излагают основы банковского дела учебники в конце XX — начале XXI в.[31]

Высокая цена российских депозитов как источника банковских средств

Депозиты (текущие счета и вклады) являются для банков одним из способов привлечь средства для своей деятельности, другими словами, являются ресурсами. В современной теории банковского дела владельцам срочных вкладов выплачивается процент, а по текущим счетам процентный доход минимален, но этими средствами можно быстро воспользоваться. Срочные вклады для банков — это относительно дорогие ресурсы, а текущие счета — относительно дешевые. Для клиентов срочные вклады — это средство сбережения, а текущие счета — средство расчетов. Чем более развита финансовая система, тем большую долю в депозитах составляют текущие счета, тем больше они используются для безналичных расчетов и тем больше они выполняют расчетную функцию денег, являясь частью денежной массы[32].

---

[30] Ibid. P. 1–10, 157–165.

[31] Один из многочисленных примеров см.: *Долан Э. Дж. и др.* Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика. / Пер. с англ. СПб., 1994. С. 85–109.

[32] Например: Там же. С. 30–35.

Эта небольшая и неглавная часть теории депозитов, уходящей корнями в XIX в., приобрела самостоятельный смысл в приложении к России в конце XIX — начале XX в. Над спецификой российских депозитов Эпштейн начал размышлять в статье «Депозитные банки в Англии и России» 1901 г., затем продолжил в книге 1925 г. И.Ф. Гиндин развивает в целом те же идеи[33]. Попробуем свести эти рассуждения к нескольким пунктам.

Во-первых, поскольку Российская империя всегда была страной дефицита свободных капиталов, то как по вкладам, так и по текущим счетам банкам приходилось платить существенный процент, т.е. население в целом пока еще не понимало, зачем держать деньги в банках на счетах с низкой или даже нулевой процентной ставкой. В то же время в Госбанке нулевая ставка по текущим счетам существовала с 1886 г. с некоторыми перерывами[34].

Во-вторых, срочные вклады превышали в России текущие счета всю вторую половину XIX в. (а не наоборот, как в развитой финансовой системе), и только в самом начале XX в. начинается резкий рост текущих счетов, что рассматривалось как свидетельство развития в правильном направлении.

В-третьих, дороговизна депозитов трактовалась как свидетельство отсталости российской банковской системы по сравнению с другими странами. В статье Эпштейна 1901 г. сравнение делалось с Великобританией, а в книге 1925 г. и в труде Гиндина — уже с Западной Европой в целом, однако достаточных конкретных данных о процентных ставках не приводилось.

Таким образом, проблема движения России к низкопроцентному текущему счету как средству расчетов заслуживает серьезного внимания, потому что касается одного из важнейших признаков развития современной финансовой системы. С другой стороны, оценки, которые мы имеем в этому вопросу на сегодняшний момент, недостаточно подкреплены реальными данными. Попробуем наметить пути решения этих вопросов.

Во-первых, проблема процентных ставок: здесь необходимы систематические данные о процентах по разным видам депозитов в разных кредитных учреждениях. Таких данных пока нет в распоряжении историков. В то же время у нас есть возможность рассчитать показатель-заменитель — расходы по депозитам для каждого банка. Коэффициент рассчитывается следующим образом:

Расходы по депозитам = Сумма процентов, выплаченных по депозитным счетам за отчетный год / Суммарный остаток средств на депозитных счетах на 31 января отчетного года (или 1 января следующего года) × 100%

---

[33] *Эпштейн Е.* Депозитные банки в Англии и России. С. XVIII–XXI; *Эпштейн Е.М.* Российские коммерческие банки... С. 64–66; *Гиндин И.Ф.* Указ соч. С. 252.

[34] Государственный банк: Крат. очерк деятельности за 1860–1910 годы. С. 24–29.

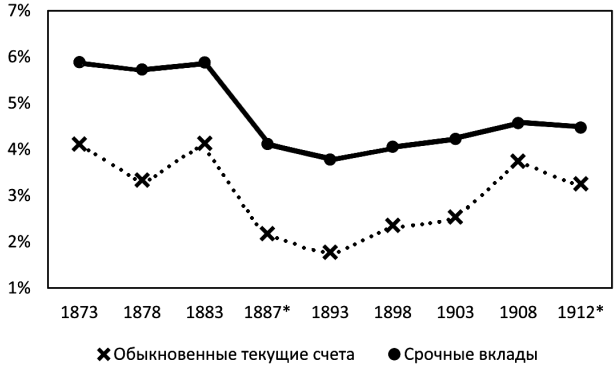
Данный коэффициент показывает, сколько процентов банк в среднем платил клиентам на каждую единицу депозитов. Данные для расчетов с 1860-х гг. содержатся в обязательных ежегодных отчетах кредитных учреждений. Данные сопоставимы, потому что группировка депозитных счетов в российской банковской отчетности была установлена законодательно и не менялась весь период. Публичная отчетность такого типа является средством первичного контроля (мониторинга) кредитных учреждений со стороны Министерства финансов и может быть использована в первую очередь для выявления общих тенденций в банковском секторе.

Воспользуемся первичными материалами, т.е. годовыми отчетами отдельных банков, и рассчитаем коэффициент расходов только для двух видов депозитов: самых дешевых (с минимальной процентной ставкой) — обыкновенных текущих счетов — и самых дорогих (с максимальной процентной ставкой) — срочных вкладов. Важно отметить, что в сумме это наибольшая часть всех депозитов, в начале XX в. — подавляющая часть. Таким образом, может быть достигнута максимальная дифференциация между низким и высоким уровнем расходов по депозитам.

Данная методика проверена на материалах Волжско-Камского коммерческого банка. Этот банк часто используется для разного рода статистических оценок, потому что являлся одним из старейших банков (с 1870 г.), крупнейшим среди акционерных коммерческих банков во второй половине XIX в., всегда имел сеть отделений по всей России. Его статистику с некоторой долей условности можно считать всероссийской, к тому же в Российской государственной библиотеке сохранилась достаточно полная коллекция его годовых отчетов. Отчеты банка обработаны за девять разных лет за период 1873–1913 гг., что позволяет сравнить данные, относящиеся к разным фазам общего экономического цикла: роста (1873, 1893, 1898, 1913 гг.) и спада, или депрессии (1878, 1883, 1888, 1903, 1908 гг.). Результаты расчетов представлены на графике 1.

Беспроцентного текущего счета в Волжско-Камском банке не было, однако движение ставок было более сложным, чем можно было бы предположить. Максимально низкими ставки были в 1890-е гг. Более того, ставка по текущим счетам за 1893 г. по всему банку составила 1,8% (2,6% по правлению в Петербурге, 1,1% по отделению в Москве, 1,4% по остальным провинциальным отделениям). С 1898 г. начался новый, хотя и менее значительный, рост процентных ставок. Разброс процентов к 1913 г. составлял 4,47% по срочным вкладам и 3,26% по текущим счетам. Данную методику важно будет распространить на материалы коммерческих банков разных типов в разные исторические периоды.

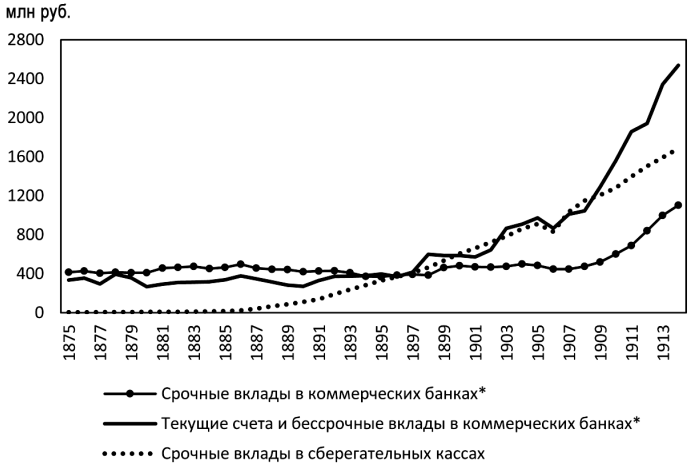
График 1. Расходы по депозитам Волжско-Камского банка, 1873–1913 гг., % на единицу депозитов



* — Отчетов за 1888 и 1913 гг. в Российской государственной библиотеке не сохранилось, поэтому использованы отчеты за 1887 и 1912 гг.

Рассчитано по: Волжско-Камский коммерческий банк. Отчет за 1873 год. СПб., 1874. С. 4, 5; Отчет за 1878 год. СПб., 1879. С. 3, 4; Отчет за 1883 год. СПб., 1884. С. 3, 4; Отчет за 1887 год. СПб., 1888. С. 3, 4; Отчет за 1893 год. СПб., 1894. С. 3, 4; Отчет за 1898 год. СПб., 1899. С. 3, 4; Отчет за 1903 год. СПб., 1904. С. 5, 6; Отчет за 1908 год. СПб., 1909. С. 5, 6; Отчет за 1912 год. СПб., 1913. С. 5, 6.

График 2. Соотношение вкладов и текущих счетов в России, 1875–1914 гг.



Примечание. Включены следующие учреждения: Государственный банк (частные депозиты и текущие счета сберегательных касс), акционерные коммерческие банки, включая Русско-Китайский банк (1898–1910), неакционерные коммерческие банки, общества взаимного кредита, городские общественные банки.

Рассчитано по: *Гиндин И.Ф.* Указ. соч. С. 410–411. Табл. 31. Вклады и текущие счета; Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX в. Финансовые рынки и институты. Балансы учреждений краткосрочного кредита. 1861–1917 гг. / Сост. С.А. Саломатина. М., 2011. — URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/12_fin.htm

Рост средних ставок по депозитам в начале XX в. совпадает с резким ростом условно низко- и среднепроцентных депозитов по всей системе банков коммерческого кредита, или коммерческих банков. Данный феномен, требующий дальнейшего изучения, представлен на графике 2. В данном случае сделана попытка скомпоновать депозиты по размеру процентной ставки. Для сравнения добавлены срочные вклады государственных сберегательных касс.

Интересно, что по росту срочных вкладов (сберегательная операция) в начале XX в. лидировали сберегательные кассы, а коммерческие банки постепенно становились центром преобладания текущих счетов. Другими словами, по этим признакам система депозитов в коммерческих банках в начале XX в. действительно развивалась как расчетная система в большей степени, чем сберегательная система.

Прокомментируем проблему сравнения депозитной операции XIX — начала XX в. в разных странах. Как известно, расчетные текущие счета в сочетании с чековым обращением — это черта англо-американской банковской системы, причем периоду расчетных текущих счетов в этой модели предшествовал более-менее длительный период массового обращения банкнот многочисленных частных банков, в результате которого население привыкло к другим платежным средствам кроме денег. Такой тип развития не характерен для банковской системы континентального типа, в рамках которой развивались российские банки. Однако этот вывод сделан уже в 1967 г. группой под руководством Р. Камерона, на основании сравнительного изучения истории банковских систем восьми стран[35].

Почему же тогда Эпштейн сравнивает российские депозиты с британскими? Неужели только потому, что его статья 1901 г. написана как комментарий на его же русский перевод «Ломбард-стрит» У. Беджгота? Ведь этот теоретический труд посвящен именно английской банковской системе. На следующий вопрос, как был сделан шаг к противопоставлению России и Европы в целом по особенностям депозитной операции, вряд ли удастся найти логичный ответ.

* * *

Тексты Ефима Эпштейна являются ярким примером теоретического осмысления банковской практики, характерным для периода конца XIX — начала XX в. В те годы в этой области доминировала «real bills doctrine», или «доктрина реальных векселей» (вексель-

[35] В исследование включены Англия, Шотландия, Бельгия, Франция, Германия, Россия, Япония и только в итоговой главе — США: *Cameron R.* Conclusion // Banking in the early stages of industrialization. P. 314–317.

ная, или коммерческая, теория банковского дела)[36]. В приложении к банковскому делу эта доктрина гласит, что наиболее надежным является краткосрочное кредитование реальных торговых сделок с товарами. Банк, в операциях которого достаточное количество реальных векселей, является устойчивым. Помимо правильно организованной кредитной операции важно, чтобы средства для ее проведения поступали за счет низкопроцентных расчетных депозитов по образцу английских, которые являются не средством сбережения, а расчетной кассой владельца. При этом банки являются лишь посредниками между вкладчиками и кредитополучателями, не влияя ни на количество платежных средств, ни на объемы кредитов и депозитов в экономике.

Доктрина реальных векселей была раскритикована еще в начале XIX в., однако за следующие сто лет она породила большое количество научной литературы и захватила учебники банковского дела. Только после Первой мировой войны она была окончательно отброшена как в практической, так и в теоретической сфере. С тех пор постепенно утвердился взгляд на банки как на институты, имеющие в своем арсенале инструменты влияния на количество кредитов, депозитов и платежных средств, вопрос лишь, как и на какие цели их направить. Все дальнейшие постановки научных проблем шли в этих рамках.

В СССР, где экономическая теория развивалась особым от остального мира путем, было невозможно увидеть этот западный теоретический поворот. Концептуализация российской банковской истории пошла по линии изучения связей банков и промышленности, т.е. по линии изучения финансового капитала. Идеи в рамках доктрины реальных векселей лежали в стороне от этой линии, но не входили в противоречие с ней, поэтому труды И.Ф. Гиндина в значительной степени интегрируют в себя переработанные концепции банковской теории XIX в.

Неужели доктрина реальных векселей была не более чем заблуждением? В теоретических построениях, конечно, да, по мнению Й. Шумпетера, но все меняется, если посмотреть на труды в рамках этой концепции как на ценный эмпирический материал о банковской практике XIX в. Получается, что дореволюционные исследования о банках, написанные в рамках доктрины реальных векселей, переходят сейчас из раздела «теория» в раздел «источники». Концепции, даже отвергнутые потом, были необходимы для решения практических проблем своего времени. Именно с этих по-

[36] Здесь и далее: об изменениях в западной теории банковского дела см.: *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: В 3 т. Т. 2. СПб., 2001. С. 960–963.

зиций нужно подходить к работам Ефима Эпштейна. Его идеи, касающиеся российской банковской системы, высказанные более ста лет назад, дали импульс к формулированию вопросов, ключевых для данного научного направления. Конечно, за сто лет дискуссии не могли не наполниться новым смыслом, но для осознания этой новизны необходимо понимание концепций, лежащих в начале исследовательского пути.

Список литературы

1. *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М., 1948.

2. *Долан Э. Дж. и др.* Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / Пер. с англ. СПб., 1994.

3. История Банка России, 1860–2010: В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринов; Т. 1. Государственный банк Российской империи. М., 2010.

4. *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998.

5. *Саломатина С.А.* Е.М. Эпштейн и его книга о российских дореволюционных банках // Эпштейн Е.М. Российские коммерческие банки (1864–1914 гг.). Роль в экономическом развитии России и их национализация. М., 2011.

6. *Чистова О.В.* Кредитная клиентура банка Рябушинских в период экономического подъема 1909–1913 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012. М., 2012.

7. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: В 3 т. / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб., 2001.

8. *Crisp O.* Russia, 1860–1914 // Banking in the early stages of industrialization: a study in comparative economic history / Ed. by R. Cameron. New York, Oxford Univ. Press, 1967.

9. *Lamoreaux N.R.* Insider lending: banks, personal connections, and economic development in industrial New England. Cambridge [England]; New York: Cambridge Univ. Press, 1994.

10. *Tarkka J.* The North European Model of Early Central Banking // Designing central banks / Ed. by D. Mayes and G. Wood. London; New York, 2009.

Поступила в редакцию
4 июня 2014 г.